

Ну что же, вот сказка и закончилась. Я стояла возле единственного уцелевшего в квартире окна и смотрела во двор. К моему подъезду с обвалившимся от взрыва козырьком, в сопровождении пяти закамуфлированных фигур торопливо подходила Клавка – мой злой гений. Она постоянно оглядывалась на идущих следом военных и мелко семеняла ногами между разбросанными обломками кирпичей и бетона. Остановилась, что-то сказала им и, зло ощерившись, юркнула в подъезд.

Убежать я не успею, и так увидела их случайно, подойдя к окну. Они поднимаются уже по лестнице – слышно, как под ногами скрипят и ломаются осколки подъездных стёкол. В окно сбежать не получится – четвёртый этаж. Высоко. Был бы первый или второй, на худой конец, повисла бы на руках и спрыгнула.

Я не знала, что задумала Клавка, но понимала ясно, что это не сулило ничего хорошего. Отдаляя миг приближающей опасности, я попятилась назад, пока не упёрлась спиной в стену.

В комнату зашли только трое военных. Ещё двое, судя по хрусту стёкол, которых было не меньше, чем в подъезде, ходили по разрушенной квартире. Лица у всех троих затянуты черными масками. Вздохнув с надрывом, я прижала руки к груди и закрыла глаза.

– Она звонила? – слышался приглушённый тканью голос одного из них.

– Она! Она, сволочь такая! Посмотрите на неё!.. Тварь недобитая!.. – зачастила скороговоркой Клавка, будто боялась, что не успеет выплеснуть на меня всю ту дрянь, что она старательно копила столько времени.

Спросивший глянул на Клавку, а потом, одним движением сдвинув закрывающую нос и рот маску, на шею, пригладил свисающие ниже подбородка усы, и спросил, обращаясь уже ко мне:

– Она сказала, что ты её невестка. Это правда?

Правда. Волей удивительного случая я оказалась в родственницах у этой стервы. Тогда мне казалось, что так не бывает, розыгрыш какой-то. Я ошибалась. Бывает. Случаются, оказывается, сказочные вещи и в наше насквозь дурное время.

– Девушка, вы здесь одна? – послышалось за спиной.

Я не придавала этому значения. Мало ли кто с кем в этой забегаловке знакомится таким незамысловатым способом.

– Вы не возражаете, если я составлю вам компанию? – раздался тот же голос.

Мне было совершенно по фигу, кто кому составит компанию. Главное, чтобы эта парочка общалась потихоньку. Я не хотела слушать ни топорных «подкатов», ни ответов настойчивому ухажёру.

– Молчание – знак согласия, – опять послышалось за спиной, и за столик напротив меня уселся молодой мужик.

Я тяжело вздохнула и, подавив желание выплеснуть в физиономию моего визави давно остывший кофе, осторожно поставила чашку на стол.

– Вы замужем? – вдруг спросил мужик и с явным интересом стал ждать ответа на свой идиотский вопрос.

– А может, ты оставишь меня в покое? – прорычала я и начала постукивать пальцами по столу, демонстрируя раздражение. – Уйди, пожалуйста, не доводи до греха, а?

Он не послушался, остался сидеть.

Вообще-то он мне понравился. Не молодой раздолбай, одет дорого, я сразу заметила. Довольно симпатичный, улыбчивый, да и голос приятный.

– У вас неприятности? – нахмурился нежеланный собеседник и осмотрелся с таким видом, как будто хотел увидеть эти самые неприятности.

Он ещё спрашивает! Конечно, у меня неприятности! Даже не так. Неприятность – это когда ноготь сломаешь. У меня же случилась катастрофа! Я осталась без работы, а значит, и без денег. Если нет денег, значит, нечем платить за квартиру. Если нечем платить за квартиру, значит, через неделю я окажусь на улице! Перспективка, знаете ли, так себе, не радует совершенно.

– Слушай, дядя! В Мариуполе почти полмиллиона жителей, какого рожна ты прицепился именно ко мне? Что тебе от меня надо?

– Невесту себе ищу, – пожал плечами мужик и, демонстративно окинув меня взглядом, добавил: – Вы мне понравились, я и поинтересовался... А вдруг вы заняты?!

Ну вообще шикарно! Занята, видите ли! Прямо как туалет!..

– Нет! Не замужем! – процедила я и, уставившись собеседнику в глаза, спросила: – Ну что, в загс тогда ведёшь меня или как?

– Веду! – радостно улыбнулся этот ненормальный и, встав из-за столика, протянул мне руку.

Не знаю почему, но я пошла с ним. Не только пошла, но и в загсе сказала «да». Нас расписали сразу же, он договорился. Благо у меня паспорт с собой был. Правда, перед входом в это желанное для каждой женщины заведение произошла небольшая заминка.

– А-а-а, как тебя звать-то? – придержала я рукой дверь, которую мой жених почти открыл.

– Точно! Я, честно говоря, об этом и не подумал! – ошарашенно уставился он на меня.

– Зашибись! Не подумал он! – усмехнулась я и протянула ему руку. – Для друзей – Леся, для мужа – Леська или Лесенька, для всех остальных – Олеся Александровна.

Он встал во фрунт, щёлкнул каблуками и, склонив голову, представился:

– Для друзей – Колька или Колян, для мамы – Коленька, – он взял меня за руку и, поцеловав пальцы, прошептал: – Для жены – любимый, дорогой, ненаглядный, вариантов много. Выбирай...

– Ну что же, дорогой, любимый, ненаглядный. Пошли, коль не передумал.

Мой муж, Николай Алексеевич Бойко, тридцати шести лет от роду, жил с мамой и был обеспеченным человеком. Если без ложной скромности – откровенно богатым. Не знаю, в чем заключается работа топ-менеджера, но новоявленный супруг дома почти не появлялся. Согласно должности болтался не только по Украине, но и по России да ещё и Белоруссию захватывал.

Узнав, что на голову нежданно-негаданно свалилось материальное благополучие, я напряглась. Чёрт его знает, что у этих богатых на уме. Может, он специально решил жениться на первой встречной. Попросит потом что-нибудь подписать, прикрывая меркантильные интересы, и пойду я в места не столь отдалённые. Однако обошлось.

Почему мой муж поступил как последний идиот, я узнала через неделю после свадьбы, когда наконец-то случилась наша первая брачная ночь. Он в этом вопросе поступил как настоящий джентльмен. Не торопил, дал время привыкнуть. Я, закатив глазки от такой наивности, мужественно вытерпела неделю, а потом сама затащила его в постель. Не пожалела. Мужик что надо!

В скоропалительной женитьбе ненаглядного была виновата его мама. Он её очень любил, но она уже доставала его ожиданиями наследника. И всё бы ничего, ждёт и ждёт. Все внуков ждут, это нормально. Однако же мама периодически пыталась его женить на тех, кто подходил ему больше, по её мнению. И тоже всё бы ничего, если бы претендентки на его руку не были поголовно бальзаковского возраста и, мягко говоря, не очень симпатичными.

После очередного знакомства с тоскующей в одиночестве дамой мой будущий благоверный психанул, заявил маме, что женится на первой понравившейся встречной. Подвернулась я.

– Ах ты ж, стерва! – рыкнул второй вояка и шагнул ко мне, залепив такую оплеуху, что я, мотнув головёнкой, влипла в стену.

– А ну пошёл отсюда, придурок! – заорал усатый. – Иди вон хату пошерсти. Может, что ценное надыбаешь. Машет он тут копытами... Не любит, видать, тебя свекровка-то, – провожая взглядом напарника зло сплюнул усатый. – Чем же ты ей, красавица, не угодила?

Не дождавшись ответа, он крикнул, обернувшись к двери:

– Мара, ну что там?

– Ничего, обычная квартира, – послышалось из соседней комнаты, и к нам вошла невысокая, симпатичная женщина. На вид чуть постарше меня, светловолосая, с короткой стрижкой. В отличие от сослуживцев была без маски.

– Где телефон? – спросила она, дождавшись, когда я встану и опять подопру стену.

Я всхлипнула и кивнула на посечённый осколками сервант:

– Там. Надо дверцу открыть. Он в коробочке. Только я ключ найти не могу после того, как во дворе бабахнуло.

Женщина кивнула, подошла к серванту и, вытащив из кобуры пистолет, выстрелила в дверцу. Раздался грохот, я взвизгнула и присела на корточки, закрыв голову руками.

Глаза открыла только тогда, когда услышала женский голос:

– Мама дорогая! Какой аппарат! «Вертушка», что ли?

– Да, верту. Мне его Коля подарил. На задней крышке его портрет есть...

– Коля – это кто? – заинтересованно посмотрела она на меня, рассматривая сотовый.

– Муж...

– А-а-а! Так это ты, значит, москалям звонила?!

– Никому я не звонила! – заревела я в голос. – Телефон уже дней десять разряжен. Как только свет отключился, подзаряжаться негде стало...

Усатый переглянулся с напарницей и, оглянувшись на маячившую в другом конце комнаты Клавку, спросил:

– Где твой телефон? – и, не дожидаясь ответа, приказал: – Посмотри...

Свекровь не стала доводить дело до крайности. Сама вытащила телефон из любимой сумочки, с которой последнее время не расставалась, и протянула женщине.

– Тоже разряжен, – пробормотала та и, размахнувшись, изо всех сил долбанула сотовым об пол.

– А она ведь сказала, что слышала, как ты вчера по телефону кому-то рассказывала, где стоят наши танки и орудия, – усмехнулся усатый.

– Точно-точно! – засмеялась женщина. – Даже настоятельно рекомендовала тебя пристрелить. Предатели, мол, не достойны жить в Украине.

– Не любит тебя свекровь! Ой не любит! – хохотнул усатый и направился к двери, напоследок обернувшись: – Вам теперь будет о чём поговорить, – и вышел из комнаты.

Это правда. Свекровь меня не любила. Не просто не любила, а ненавидела тяжкой, выверенной ненавистью. Она смотрела на меня так, что, казалось, вытяни я вперед руку, то смогу эту ненависть сжать в кулаке. Иной раз я поражалась – как в таком худом теле умещается столько злобы ко мне.

Случись у нас с Колей обычные отношения – встречи, свидания, кино, цветы, – она, может, и притерпелась бы. Смирилась бы в надежде на скорых внучков. Но то, каким образом я попала в её семью, да ещё и ей назло, – с этим она смириться не смогла.

Справедливости ради, поначалу Клавка вела себя довольно прилично. Наверное, надеялась, что муж разберётся в тонкостях моей дрянной природы и погонит прочь. Надо только чуть-чуть подождать. Не дождалась. Напротив, с каждым возвращением мужа домой я чувствовала, что больше и больше ему нравлюсь. Особенно по ночам. К сожалению, это заметила и его мамаша. И грянула между нами гражданская война. Прямо как между Киевом и мятежным Донбассом.

Свекровь начала военные действия и, чтобы быть поближе к полю боя, переехала из шикарной киевской квартиры к нам в Мариуполь. Мотивировала тем, что Коленьки подолгу не бывает дома, а мы, оставшись вдвоём, быстрее найдём общий язык. Коля, зная о наших напряжённых отношениях, воспринял это с энтузиазмом.

Мой муж умный человек, умный и сильный. Много знает, иной раз казалось, что знает всё! Но в некоторых вопросах наивен, как ребёнок.

– Подождите, подождите, не уходите! – окликнула я усатого. – У меня для вас кое-что есть.

Тот вернулся в комнату и вопросительно на меня уставился.

– Посмотрите её сумочку, – ткнула я пальцем в сторону Клавки, которая, с ужасом уставившись на военного, прижала к тощей груди сумку.

– Глянь-ка, что там у неё, – посмотрел тот на Мару.

Клавка так просто со своим добром расставаться не пожелала. Когда Мара протянула к ней руку, Клавка с перекосившимся от злобы лицом отмахнулась от неё сумочкой.

Та уговаривать не стала, резким движением ухватила левой рукой сумку за ремешок, а правой нанесла сильный удар Клавке в лицо. Све-кровь, нелепо взмахнув руками, шлёпнулась задом на грязный, усеянный осколками битой посуды пол.

С интересом понаблюдав, как, пытаясь встать, копошится на полу Клавка, женщина спокойно, будто ничего и не произошло, подняла опрокинутый журнальный столик и вытерла столешницу рукавом. Задумчиво взвесила сумку в руке и, присев рядом со столиком на корточ-ки, решительно вывалила на него содержимое сумки.

Коля меня баловал. По поводу и без, дарил украшения. И не про-стые, а дорогие ювелирные изделия. Мне это было приятно. Но один раз, когда он надел мне на шею умопомрачительное кольцо, я, узнав цену, начала орать, что он сумасшедший. Муж с радостью согласился и потащил меня в спальню, чтобы я его отблагодарила.

Когда началась война с Россией, по домам стали ходить нацики и грабить квартиры. Мне рассказала баба Маша, соседка, её дочь якобы уже попала под раздачу. Предупредила, чтобы я всё ценное не прятала, обязательно что-нибудь оставила. Сказала, что если ничего не найдут, будут избивать, пока не сознаюсь, куда спрятала. Ну а так есть надежда на то, что прихватят эту мелочь и уберутся.

Я так и сделала: разложила по вазочкам и шкатулкам с десятков не очень дорогих колец и цепочек, а остальное спрятала в укромном местечке.

В один неудачный день во двор прилетел снаряд, и квартира прев-ратилась в развалины. Когда я пришла домой, Клавка запричитала, что сразу после взрыва нагрянули нацики, обыскали квартиру и унесли всё, что нашли. Сначала я ей поверила, но, поразмыслив, поняла, что неспроста свекровь стала таскать с собой сумку. Раньше у неё такой привычки не было. Зря я прятала драгоценности, когда она дома была. Подсмотрела, зараза!

Я была права! Все мои украшения аккуратной горкой лежали на столике и, поблёскивая драгоценными камнями, радовали глаз. Чужой глаз. Мне было до слёз обидно, что мою память о Коле распахают по карманам и утащат.

Моя свекровь гадина! Убеждалась в этом не раз. Она даже кошку Мусю, которая прожила со мной восемь лет, не пожалела. Избавилась от неё первым делом, когда переехала к нам. Мне сказала, что та вы-прыгнула в окно и убежала. Сама при этом смотрела такими невинны-ми глазками, что оторопь брала. А теперь этот, последний, штришок к её поганому портрету.

– Ни хрена себе! – ошарашенно протянул усатый и, подойдя ближе к столику, нагнулся, чтобы лучше рассмотреть драгоценности.

– Ты же сказала, что грабители всё забрали, – процедила я и уставилась в ненавистную физиономию свекрови.

– Это не твоё!.. – прохрипела Клавка и, выпучив глаза, уже не сдерживаясь, заорала срываясь на визг: – Ты, тварь, тварь, тварь!.. Чтоб ты сдохла! – она перевела дыхание, а потом, подавшись в мою сторону всем телом, добавила: – Ты, гнида, всё равно сдохнешь! Я тебя изведу, ты даже...

Договорить она не успела. Поднявшись с корточек, Мара вытащила пистолет и со словами: «Не изведёшь», – выстрелила Клавке в грудь.

На этот раз я уже не визжала и не пыталась укрыться от хлестнувшего по ушам выстрела. Только вздрогнула. Всё, что происходило, казалось кошмарным сюрреализмом.

Моя свекровь, как в замедленном действии, раскинула руки и, сделав назад несколько мелких шажков, упала в чудом сохранившееся целым кресло. Я, одурев от совершённого с такой лёгкостью убийства, посмотрела на усатого. Тот поморщился и, вздохнув, покосился на Мару:

– Ну и чего ты творишь, мать твою?.. Это же не твоя свекровка...

– Не моя, – усмехнулась та, – но теперь уже и не её.

– Ты больная, – опять вздохнул усатый и, посмотрев на меня, спросил: – Надеюсь, не возражаешь, что мы это конфискуем? Для войны, хорошая моя, деньги нужны, – и он начал рассовывать драгоценности по карманам.

Мне было уже всё равно, что там будет с этими побрякушками. Это такая мелочь. Это не страшно. Страх находился передо мной. Он сидел в кресле и, раскинув в сторону руки, смотрел на меня мёртвыми глазами Клавдии Николаевны – моей погибшей свекрови.

– Ну ладно, пока, девонька! – засмеялась Мара и похлопала меня по плечу. – Да не убивайся ты так! По нынешним временам эта ведьма тебя рано или поздно угробила бы! Помяни моё слово!.. Моя такая же была!.. – и она, ещё раз хлопнув меня по плечу, направилась к выходу. Потом обернулась и крикнула: – Спасибо потом как-нибудь скажешь. «Вертушку» мою они тоже забрали.

Клавдию Николаевну мы с оставшимися в живых соседями похоронили прямо во дворе, рядом с другими убитыми людьми.

Где находился муж и жив ли он, я не знала. Последний раз он позвонил и сказал, что его задержали эсбэушники – он большую часть времени проводил по работе в России, значит, шпион.

Коля сам пришёл через две недели, когда в нашу часть города зашли российские войска. Ему повезло – когда снаряды начали рваться рядом с подвалом, в котором его держали, прибежал какой-то военный, отомкнул камеры и всех выпустил.

Я сидела в большой эмчээсовской палатке и маленькими глоточками, обжигаясь о железную кружку, пила чай. За соседний стол напротив меня села женщина в замызганном сером пуховике. Сняв вязаную шапочку, она пригладила короткие, светлые волосы и торопливо начала есть гречневую кашу с мясом, которую перед ней поставил волонтёр. Уткнувшись в тарелку, сосредоточенно работала ложкой и по сторонам не смотрела. Ну а я смотрела, внимательно смотрела!

– Вы не возражаете? – спросила я и, не дожидаясь разрешения, села напротив женщины.

Та не ответила, ещё ниже опустила голову и положила ложку на стол.

– Смотри, мамуля, что мне дали! – раздался детский голосок, и на колени к Маре забралась девочка лет четырёх. – Шоколадка!.. Хочешь?

– Нет, солнышко, не хочу, – не поднимая головы, прошептала Мара и, обняв дочь, прижала к себе.

Я смотрела на Мару и поймала себя на мысли, что не испытываю к ней неприязни. Это неправильно. Так не должно быть. Она убийца. Хладнокровная убийца. Я просто обязана её ненавидеть, она, в конце концов, убила человека, которого очень любил мой муж. Я прекрасно это осознавала, но поделать ничего не могла. Сидит вот она передо мной и сидит, и бог с ней...

– Иди, поиграй, – наконец сказала Мара дочери и, поправив на ней шапочку, отпустила с колен. Когда ребёнок убежал, она прошептала: – Пожалуйста, не бросай её...

– Ага, конечно!.. Разбежалась!.. – грубо перебила я женщину. – Сама воспитаешь! Мне через семь месяцев и так будет чем заняться.

Я встала, потрепала Мару по плечу и, сказав «спасибо», вышла на улицу.

Не знаю, правильно ли я поступила или нет. Может, надо было сообщить о ней военным? И тогда она бы мучилась, не имея возможности видеть своего ребёнка. Кто знает? Какое время, такие и люди. Я не исключение, в голове у меня, наверное, тоже что-то сдвинулось.

У меня оставалось ещё одно дело, которое я придержала до лучших времён. До времен, пока мы не выберемся из мариупольского ада. Мы выбрались!

Коля на улице разговаривал по телефону. Увидев меня, махнул рукой, засунул сотик в карман и побежал ко мне. Сюрприз для него, однако, будет!

Радость, которой так и не дождалась его мама.